

ВОСПОМИНАНИЯ БИБЛИОТЕКАРЯ

Я родилась в 1911 году в городе Петровск-Порт (Махачкала). Была я самой младшей в большой семье. Родители мои, хотя и не получили, в сущности, никакого образования, оба были страстными любителями чтения, и книга в жизни семьи играла большую роль. Подписка на журнал "Нива", и, особенно, ежегодные приложения к ней, помогли составить библиотеку, в которой была представлена основная русская классическая литература и многое из иностранной классики. Старшие братья и сестры, подрастая, учась в гимназии и университете, в свою очередь пополняли эту библиотеку, каждый по своему вкусу, но любителями книг были все.

Неудивительно, что библиотечная профессия стала как бы семейной в нашей семье; библиотекарем была старшая сестра Мира и ее муж, библиотекарем был младший из братьев (будущий поэт Вениамин Жак) и его жена.

Я научилась читать в 5 лет и жадно глотала сначала то, что разрешала мне Мира, занимавшаяся воспитанием младших сестер, а потом уже потихоньку все, что попадалось в руки.

В 1918 году вся семья переехала в Ростов-на-Дону. Мне тогда было 6 лет; Петровск я почти не помню, и родным городом, родиной стал для меня Ростов. Хотя я и там, собственно говоря, прожила не так много, всего каких-нибудь 21-22 года из моей долгой жизни, но это были годы позднего, сознательного детства, юности, молодости; годы ученья в школе, в вузе; я даже успела побывать пионеркой, и каждая улица, каждый переулок моего старого "маленького" Ростова — от вокзала до "границы" с Нахичеванью, от Дона до улиц, уходящих уже в окраины ("Нахаловка". "Рабочий городок"), Лермонтовская, Гимназическая — мне близки и памяты. В школу я пошла в 1921 году, десяти лет, прямо в IV группу (так тогда называли классы). Правда, до этого мы с сестрой Лией (она была старше меня на 2 года, но в детстве мы были неразлучны, и нас часто принимали за близнецов) год проучились в очень оригинальной школе. Ее открыли рабочие маслобойного завода Пата (или Патта?) для своих детей. Сами ее содержали, пригласили учителей и, главное, в голодный 1921-1922 год кормили прямо в школе: еду привозили, очевидно, с завода.

Не знаю, кто и по какому принципу создавал небольшой учительский коллектив. Мне кажется, что первым организатором была Нина Георгиевна Кернер-Ракитина, а почему и кто обратился к ней — не знаю. Может быть, она и была инициатором создания этой школы, которая и располагалась напротив дома, в котором жила Нина Георгиевна. В жизни школы она явно играла заметную роль. В первые послереволюционные или последние предреволюционные годы Нина Георгиевна вела частный детский сад или, как бы сказали позже, дошкольную детскую группу. Этот сад посещал сын подруги Миры по университету — Иоганна Исидоровны Лихтер. Несмотря на разницу в возрасте, Иоганна Исидоровна и Мира очень подружились и "подружили" ее детей — двух мальчиков и девочку — с нами. Стало нас неразлучных — пять.

В 1919-м году Иоганна Исидоровна овдовела, осталась с тремя маленькими детьми (семи — восьми лет), в сущности, без всяких средств к существованию. В это время Нина Георгиевна подбирала учителей (вернее, учительниц) в школу — не по дипломам; (боюсь, что ни у кого их и не было), а знакомых интеллигентных женщин, нуждавшихся в заработке. Пригласила она и Иоганну Исидоровну, а та свою лучшую подругу — Миру. Таким образом, и мы — все пятеро попали в число учеников этой странной, но очень уютной школы.

Школа была очень маленькая: всего три класса и дошкольная группа; в классы подбирали детей не по возрасту, а по уровню знаний. Ведь среди детей, даже подростков, были совсем неграмотные — не умеющие ни читать, ни писать. Размещалась школа в маленьком Греческом переулке: вернее, это был не переулок, а проулок между домами, соединявший Ткачевский и Богатыновский переулки, рядом с греческой церковью. Первый

этаж остался за греческой школой, которой (или скорее церкви?) принадлежало, очевидно, все здание, а на втором этаже была наша школа. Был большой зал, где можно было побегать на переменах, был маленький — крошечный дворик. Занятия в школе проводились до четырех часов дня, пока работал завод. В 4 часа раздавался гудок на заводе и кончался учебный день.

Через некоторое время при школе был открыт вечерний детский клуб, а при нем читальня. Мира, которая до этого окончила какие-то курсы по библиотечной работе, перешла на работу заведующей читальней, а мы все, конечно, пропадали в этом клубе. Я сидела в читальне, пока Мира, после второй или третьей книги, не выгоняла меня, в надежде, что я пойду заниматься в кружок рукоделия или ручного труда, но я, вместо этого шла в зал, где муж и жена (фамилии не знаю) — такие же безработные бедолаги — руководили хором, то есть, разучивали с нами в основном народные песни: русские, казачьи, украинские, готовили концертные номера для утренников в праздничные дни. Надо сказать, что все это впоследствии очень пригодилось мне в работе с детьми. А вязать и делать цветы я так и не научилась.

В 1921 году, как я уже сказала, мы с Лией пошли в государственную школу. Называлась она тогда "единая трудовая школа". Наша школа располагалась в здании и на базе бывшего Коммерческого училища, унаследовав его прекрасных учителей, лаборатории, несколько расширенную программу. Так, в то время, как во всех (или большинстве) школ изучали только один иностранный язык — только немецкий, у нас сохранилось преподавание двух языков — немецкого и французского, за что я горячо благодарю судьбу. Всю жизнь потом я стремилась пополнять знание французского, и мне это немало помогло в жизни: в работе, в учебе и просто дало возможность больше читать и знать.

Здание Коммерческого училища занимало целый квартал на Богатыновском переулке от Никольской до Петровской улицы. Напротив была "Еврейская" больница (выстроенная на средства еврейской общины), а по Никольской улице рядом было здание Краевого (или Областного) суда. Сейчас здание Коммерческого училища занимает Строительный институт. Я там была в один из приездов в Ростов, в 70-е -80-е годы и не узнала ничего. Великолепные коридоры разделены на маленькие клетушки. А как чудесно было разбежаться и прокатиться по натертому полу из конца в конец коридора, даже рискуя при этом угодить головой в живот неосторожному учителю.

При Коммерческом училище был дивный сад, с цветущей весной сиренью, где проводились спортивные занятия и куда можно было сбежать с уроков. Правда, школа занимала только 3-й этаж, и вход был по узкой боковой лестнице, а первые два этажа с парадным входом занимал Комвуз, то есть Коммунистический университет, готовивший партийные кадры для научной, преподавательской и партийной работы.

В Коммерческом училище еще с приготовительного класса учился старший из "Лихтерят" — Ава (Абрам) — (между прочим - мой будущий муж). Поэтому и мы с Лией и его младшие брат и сестра пошли учиться туда же.

Позже Лия перешла в другую школу, ближе к дому; семья Лихтеров уехала из Ростова; но я оставалась верна раз выбранной школе. Однако, когда мне после окончания школы I ступени (4-5 классы) надо было переходить в 6-й, выяснилось, что старшие классы нашей школы преобразованы в Промышленно-экономический техникум; уходить в другую школу не хотелось, и так я попала в ПЭТ.

Проучившись в техникуме три года, я наконец, поняла, что финансово-налоговое дело отнюдь не является моим призванием, а также узнала, что после окончания техникума не смогу поступить в ВУЗ. "Мы не трамплин, чтобы через нас прыгать в ВУЗ", — сказал заведующий (тогда еще не было директоров) техникумом. Вот почему весной 1928 года я рассталась с ПЭТом, получив справку, что перешла на IV курс. Надо было искать работу.

К этому времени я успела узнать и полюбить работу в библиотеке, в качестве активистки в детских библиотеках, сначала у сестры Миры Константиновны Жак (Июфиной), потом у брата (Вениамина Константиновича), и, главным образом, у его жены Марии

Семеновны Браиловской (Жак), которая и стала моим первым настоящим учителем библиотечного дела. И в пионерской организации одним из первых поручений была организация читальни-передвижки в приемнике для беспризорных, работу в которой я вела по всем правилам, которым меня обучали в методкабинете: проводила громкие читки, рассказывания, составляла отчеты и пр.

Надо сказать, что хотя в техникуме я всей душой ненавидела такие предметы, как бухгалтерия делопроизводство, думаю, что впоследствии они) немало помогли в работе над такой сложной книгой, как "Техника работы областной библиотеки".

Наконец, после двух лет тщетных поисков работы и бесплодных хождений на Биржу труда, в мае 1930 года мне удалось получить работу, правда, не в библиотеке, а в библиотечном коллекторе Госиздата. Работала я в отделе библиографии, и должность моя называлась "техник-библиограф"; а занималась я расстановкой карточек в систематические и алфавитные каталоги, которые составлялись из печатных аннотированных карточек и из рекомендательного бюллетеня БЦК (Бюро централизованной каталогизации); не помню были ли у нас карточки Всесоюзной книжной палаты, вероятно, были. Мало помалу все карточное хозяйство отдела перешло в мое ведение, и с тех пор я поняла и полюбила работу с каталогами, как основу информации о книгах и пропаганды книги.

Все эти годы я тщетно пыталась поступить учиться в какой-нибудь вуз: в Ростовский пединститут, в Московский библиотечный институт, но всюду получала отказ: пето "социальное происхождение". Правда, я много занималась в то время самообразованием. Наметила интересующие меня дисциплины: история России, история литературы, французский язык и даже модный тогда "Круг знаний": астрономия, геология, биология и т.д. Даже "Происхождение видов" Дарвина прочла и законспектировала, хотя ничего не поняла. Помогал мне брат, а с уходом его по призыву в армию — Вера Николаевна Кессених, которая заведовала тогда методическим отделом при Центральной городской библиотеке.

Но вот осенью 1931 года при Ростовском педагогическом институте открылось библиотечное отделение. Странный это был вуз. Ведь в стране, в сущности, не было дипломированных специалистов библиотечного дела. То есть, специалисты были, и дипломы у них были: филологические, исторические, юридические. В Москве и Ленинграде уже пару лет работали Библиотечные институты, но обеспечить всех жаждущих получить специальные знания и формальное подтверждение их в виде диплома — эти два института, конечно, не могли. Поэтому в нашем "Бибвузе", как мы его называли, картина была такая. Предметы общегуманитарного цикла (а также "Военное дело", "Технология металлов" и т.п.) нам читали преподаватели Литературного отделения (Лито) Пединститута. На 1-П курсах среди них выделялась группа ленинградцев: Заручевский (или Зручевский - преподаватель политэкономии), Барыкин (диамат-истмат), очаровательная Мустангова (история русской литературы XIX века) — жена известного рапповца Лелевича. Очевидно, они были высланы из Ленинграда и после II курса "тихо исчезли". Специальные библиотечные дисциплины читали библиотекари-практики, зачастую бывшие студентами этого же факультета: Кессених, Муратова и другие. Приезжали к нам преподаватели и из Москвы прочитать тот или иной курс: известный библиограф Здобнов, молодой Владимир Васильевич Петровский, совсем юные аспиранты Московского библиотечного института (МГБИ) Максима и Тубельский.

Принимали всех желающих, работающих в библиотеках — как имеющих уже одно высшее образование — Кессених, Муратова, Котляревская, Федорова — так и не имеющих даже среднего образования, как я грешная (ведь техникум-то я так и не кончила). Не было и вступительных экзаменов; было бы только желание. Впоследствии многие отсеялись, осталось только 19 человек.

В декабре 1935 года состоялся первый и последний выпуск нашего "Бибвуза"; дипломные работы мы защищали под самый новый 1936 год. Кстати, положение о защите дипломных работ было введено, когда мы были чуть ли не на последнем курсе. Темы и

содержание работ мы кое-как определили, но где же взять обязательного руководителя, или, как тогда говорили, консультанта дипломной? Ведь весь цвет библиотечных работников города составляли студенты бибвуза. Недаром на выпускном вечере среди других развешанных ярких лозунгов был и такой: "На всякого дипломанта не напасешься консультанта". Вот так и получилось, что Муратовой, когда она обратилась за помощью в институт, посоветовали обратиться к... Муратовой.

Я писала дипломную работу на тему " Советская детская научно-художественная книга о животных", которая и была моей первой, если не печатной, то "письменной" работой. Моим консультантом любезно согласился быть профессор Н.Н.Сретенский из уважения к моему брату, который и был фактически моим руководителем. А Николай Николаевич за несколько дней до защиты сказал мне: "Вы принесете мне почитать что-нибудь из тех книжек, о которых Вы пишете". К сожалению, во время войны дипломная моя погибла, и к этой теме я больше не возвращалась. К сожалению или к счастью? Дело в том, что в дипломной я доказывала, что в России, в сущности, не было ни художественной, ни научно-художественной литературы для детей о животных. То немногое, что выходило, было или невыносимо скучно (Кайгородов, Богданов — пишу по памяти, через 60 лет) или ненаучно и антихудожественно. Поэтому предшественниками советской книги о животных я считала англо-американскую литературу: в первую очередь Э.Сетон-Томпсона, Ч. Робертса. Не могла удержаться, чтобы не рассказать о "Маугли" Киплинга. Можно себе представить, что бы сделали со мной критики в 40-х - 50-х годах, если бы эта работа была опубликована, как предполагалось в "Записках" (или "Трудах", не помню) Ростовского педагогического института. Вот так, к сожалению или к счастью, но ни одного экземпляра не уцелело.

В октябре 1932 года я была, как записано в моем трудовом списке, "откомандирована" в Городскую библиотечную сеть для работы по специальности. В те годы нельзя было уволиться с работы по собственному желанию, нельзя было перейти на другое место работы. По моему, и учреждение не имело права принимать таких "беглецов". Основанием могли быть только очень серьезные причины, специально оговоренные в законе. Одной из таких причин был переход на работу по специальности. Так как я училась на библиотечном отделении, а библиотечный коллектор входил в систему Книготорга, то когда при одном столкновении с администрацией мне было указано, что я учусь не по специальности, я подала заявление о переводе в библиотечную сеть.

После кратковременной стажировки в лучших детских библиотеках города: на заводе "Красный Аксай" у Анны Михайловны Пташевой и в библиотеке имени Величкиной на Новом Поселении (или "Нахаловке"), с 1 декабря 1932 года я была зачислена на должность заведующей детским отделением библиотеки имени Сталина (бывшая — имени Кольцова).

Работа в этой библиотеке была одним из лучших периодов моей библиотечной работы. Работала я до изнеможения, до тяжелого нервного истощения. Ведь одновременно я училась в вузе, и так хотелось побольше узнать, успеть. И в библиотеке тоже, чтобы все — все как надо. Условия жизни и работы были, конечно, тяжелые: голодно, зимой холодно. В штате полагался второй работник, но чаще я работала одна, так как в других библиотеках нагрузка была еще больше. Помогала мне уборщица — дежурила в читальне (не могу назвать эту комнату читальным залом), присматривала за ребятами. Очереди были огромные. Как писал брат о детских библиотеках одному из наших вечеров (теперь их называют "капустниками"):

*И медленно пройдя меж полками
Без заместителей, одна
Идет туда, где воет волками
Двухсот читателей толпа...
Вдали, под старыми плакатами,
Под стенгазетой вековой
Стоят родители с ребятами*

И раздается детский вой.

Но как хорошо мы жили с этими ребятами! Тогда не было телевизоров, даже радио было роскошью; кино стоило денег, пионерская организация уже превратилась в придаток школы, и методкабинет обратился к нам с призывом — организовать клубную работу с детьми.

Какие мы устраивали утренники — без костюмов, без декораций, на одном энтузиазме. И какая это была благодарная аудитория! Куда мы только находили с ребятами на экскурсии: и к пожарникам, и на аэродром, и к красноармейцам в казармы (и все это было открыто и доступно!). А когда из зоопарка к нам привезли лисенка, даже продавщица, из киоска на углу спросила: "Что у вас сегодня в библиотеке? Ребята бегом бегут".

В конце ноября 1934 года в Ростов приехал "живой" Гайдар. Ждали мы его с нетерпением — и дети, и взрослые; совершенно не сомневались, что он будет в детских библиотеках. И вдруг узнаем, что будет только общегородская встреча с детьми. А как же остальные? Что я скажу ребятам? И я буквально выплакала у Гайдара (при помощи Марии Семеновны) согласие прийти к нам в библиотеку. Разговор был вечером, после конференции (или как там она называлась) в Доме работников искусств. Он обещал прийти на следующий день в 12 часов. В 8 утра я была в библиотеке, вызвала несколько ближайших активистов, раздала адреса. К 12 часам в нашей читальне было уже около сотни детей. О том, чтобы всех усадить не могло быть и речи. Стояли плечом к плечу, в зимней одежде (гардероба у нас, конечно, не было). Гайдар прочитал отрывок из "Военной тайны", отвечал на вопросы ребят. Это был большой настоящий праздник. Потом он оставил нам экземпляр рукописи (повесть не была еще напечатана), и мы читали ее вслух в нашей библиотеке, потом передали в другие библиотеки.

В мае 1936 года приказом по ГорОНО я была переведена на должность заведующей библиотекой в открывшийся в городе Дворец пионеров.

Первый Дворец пионеров был открыт в Харькове по инициативе Павла Петровича Постышева, который, по-видимому, действительно любил детей. Ведь ему принадлежит и инициатива восстановления праздника елки, пусть не рождественской, так новогодней — праздника, находившегося под строжайшим запретом в течение чуть-ли не 20 лет. После Харькова всюду стали открывать Дворцы пионеров, открыли его и в Ростове. Открытие состоялось в конце апреля 1936 года, и было приурочено к годовщине создания пионерской организации. Во Дворце я проработала недолго, до ноября 1936 года, вышла замуж и уехала к мужу в Харьков.

В Харькове я также начала с работы в детских библиотеках; после четырех месяцев временной работы в одной библиотеке (№2), я была назначена заведующей 4-й районной детской библиотекой. В 1939 году, после рождения сына, ушла из этой библиотеки, решив не возвращаться на детскую работу, понимая, что не смогу уже отдавать ей столько времени и сил, сколько необходимо в работе с детьми. После некоторого перерыва я работала около года в библиотеке Школы усовершенствования командно-технического состава НКПС; а затем — по договору в отделе обработки библиотеки Харьковского государственного университета на редакции описаний для русских и иностранных каталогов. Здесь меня и застала война.

Эвакуировавшись с ребенком в город Мелекес Ульяновской области, я некоторое время совсем не работала; потом меня взяли на временную работу; находившийся там филиал Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, на описание редких и ценных книг, вывезенных из Ленинграда. Однако, осенью 1942 года, с приездом новой партии ленинградцев, которых надо было в первую очередь обеспечить работой в библиотеке, мне пришлось искать новое место, и я вернулась к работе с детьми, хотя и не библиотечной. С ноября 1942 до августа 1944 года была воспитательницей в дошкольном детском доме, эвакуированном из Ленинграда

Осенью 1944 года я, наконец, смогла вернуться в освобожденный от немцев Ростов; директор областной библиотеки имени К. Маркса Василий Владимирович Вейцман предложил мне заведование отделом обработки. С большим страхом взялась я за эту работу, но надо сказать, что коллектив отдела, да и всей библиотеки, начиная с самого директора, работали с таким энтузиазмом, так дружно и сплоченно, что через некоторое время я почувствовала, что дело у нас идет и идет не так уж плохо. В этой библиотеке я получила неоценимый практический опыт. Дело в том, что помимо обязанностей непосредственно заведующей отделом обработки, мне было поручено возглавить проверку фонда огромной библиотеки после оккупации: кроме того возникла необходимость составления инструкции, где была бы зафиксирована последовательность процессов движения книги в большой библиотеке с фондом свыше миллиона книг. Все это делалось, конечно, очень кустарно, но немало помогло мне впоследствии в научной работе.

В Ростове мною была задумана и при активном содействии Вейцмана сделана моя первая печатная работа — биобиблиографический справочник: "Писатели Советского Дона" (Ростов н/Д. 1948.- Вып. 2).

В библиотеке имени К.Маркса я была принята в 1946 году в кандидаты, а в 1947 году — в члены КПСС. Работала агитатором, председателем месткома, была членом избирательной комиссии во время выборов в Верховный Совет СССР в 1946 году. Ушла я из партии в мае 1990 года; просто перестала платить партвзносы. Ушла бы и раньше, как только это стало возможно без опасности для жизни, но в это время начались какие-то безобразные "демонстрации" в Азербайджане с публичным уничтожением и сжиганием партбилетов, и мне было неприятно солидаризироваться с этой кампанией. После одного откровенно антисемитского собрания парторганизации Библиотеки имени Ленина я не выдержала и "ушла" тихо и без демонстраций.

Однако должна сказать, что нисколько не жалею о своем пребывании в партии, хотя приходилось нести дополнительную нагрузку в те годы, очень тяжелые для меня в бытовом отношении. А лицемерить, скрывать свои подлинные чувства, голосовать "за", когда хотелось кричать "против", приходилось одинаково всем, и партийным, и беспартийным, начиная чуть ли не с детского сада. Даже не могу сформулировать, почему, но не жалею.

Летом 1947 года я с большим сожалением рассталась с библиотекой и с Ростовом и уехала в Москву, где жил и работал после демобилизации из армии Мой муж. После некоторых колебаний, я поступила в аспирантуру Московского государственного библиотечного института, на кафедру фондов и каталогов. Научным руководителем моим был Евгений Иванович Шамурин, который в то время заведовал кафедрой. Темой диссертации мы выбрали "Художественная литература в каталогах областной (краевой) библиотеки". Эта тема меня очень интересовала, так как еще в Ростове я вела этот раздел систематического каталога и видела какой хаос и неразбериха царят в этом, казалось бы, таком простом разделе.

На третьем году моего пребывания в аспирантуре профессора Шамурина выгнали из института с шумом, с "проработкой" на всех возможных собраниях. Но, насколько я знаю, этим дело и ограничилось. Дальнейших преследований не последовало. Было это, вероятно, в 1949 году. "Веселое" было время.

К моему счастью, Захарий Николаевич Амбарцумян согласился заменить Шамурина в качестве моего научного руководителя. Его товарищеской помощи, его в высшей степени благожелательному отношению я очень многим обязана, в частности тем, что успела в срок закончить и представить диссертацию (практически одновременно с рождением второго ребенка). Боюсь, что после рождения дочки, в тех условиях, я бы диссертацией уже не смогла заниматься. Защита состоялась 2 июля 1951 года, и я получила степень кандидата педагогических наук.

Несколько слов о моей диссертации. О первой главе не буду говорить; это обычная "молитва", "цитатник" без чего в те годы не могла обойтись ни одна научная работа. Нет моей заслуги в том, что я доказывала своеобразие и неповторимость восприятия

художественной литературы как произведения искусства. Все это было сказано много раз и до меня. Недаром, во время защиты один из оппонентов пытался мне приписать "рубакинщину", что тогда было равносильно тяжелому политическому обвинению.

Цель диссертации была другая. Библиотекари (в основном, практики) считали: раз систематический каталог — каталог "реальный", то есть, отражающий произведения по их содержанию, то и систематический каталог художественной литературы должен строиться по "содержанию", то есть, по теме, фабуле, сюжету. Я же пыталась доказать, что для художественной литературы "содержанием" является творчество автора, как единое целое, а фабула, тема, жанр могут быть отражены по мере надобности в дополнительных карточках: тематической, жанровой, personalia и т.п.

С другой стороны, шел спор со специалистами Ленинской библиотеки, которые ориентируясь на своего читателя — литературоведа, рассматривали произведения художественной литературы как "тексты" к предмету своего исследования — истории или теории литературы, что опять-таки вело к раздергиванию творчества писателя по разным "полочкам": период, течение или школа, виды, роды, жанры.

Я окончила аспирантуру в 1950 году, представив законченную диссертацию, что тогда было большой редкостью. Однако защитить ее мне удалось только через полгода. А эти полгода я вообще была без работы. И лишь в июне 1951 года мне предложили работу в Ленинской библиотеке, куда до тех пор упорно не брали. Почему? Известно, что послевоенные годы вплоть до смерти Сталина были временем "борьбы с космополитизмом", а попросту говоря, разнузданного антисемитизма. Евреев еще поголовно не истребляли, о депортации шли только слухи: тех, кто работал, еще поголовно не выгоняли только за национальность, но никуда не принимали: ни на работу, ни на учебу в ВУЗы. Вот и меня, единственную из всего выпуска аспирантов, единственную за несколько лет окончившую аспирантуру с готовой диссертацией, не оставили при институте. Почему же в Библиотеку имени Ленина меня все-таки были вынуждены взять?

Дело в том, что, начиная уже с 30-х годов, и особенно в 40-е и 50-е годы, библиотеки катастрофически не успевали "очищать" свои фонды от произведений репрессированных, запрещенных или просто нежелательных авторов. Самым уязвимым местом были каталоги. Библиотекари оказались между двух огней. С одной стороны, учебники и инструкции требовали, чтобы в каталоге были отражены все книги, имеющиеся в библиотеке. С другой стороны, было совершенно непредсказуемо, какая из книг, отраженных в каталоге, вызовет гнев начальства (особенно местного) или же какого-нибудь бдительного читателя. Ведь даже знаменитые романы Ильфа и Петрова не рекомендовалось выдавать читателям (а в каталоге отражать!). Доходило до настоящих трагедий: людей снимали с работы, арестовывали; были, кажется, даже случаи самоубийства. Библиотеки с мест просили помощи. А в Москве — Министерство (тогда оно называлось Комитетом), методический кабинет Библиотеки имени Ленина — еще пуще боялись давать какие-либо указания, да еще в письменной форме. И, вообще, от греха подальше от этих каталогов.

А специалистов по каталогам ни в Комитете, ни в методкабинете не было. З.Н. Амбарцумян был накрепко привязан к МГБИ, где в те годы и не было ему равноценной замены. Работники методкабинета, как черт от ладана, бежали от этого опасного и сложного участка. Пришлось брать человека "со стороны", да еще с такой сомнительной анкетой, правда, по настойчивой рекомендации того же З.Н. Амбарцумяна, а также В.Н. Кессених, которая тогда работала в Комитете.

Итак, 11 июня 1951 года я начала работать в Научно-методическом кабинете библиотековедения Государственной библиотеки СССР имени Ленина по специальности "Фонды и каталоги".

В эти годы, чтобы как-то облегчить библиотекарям проблемы, связанные с каталогами, умные люди: З.Н. Амбарцумян (доцент кафедры фондов и каталогов МГБИ), а также В.Г. Кисилева (зав. отделом обработки Татарской республиканской библиотеки) выдвинули идею — разделить каталоги, в частности, систематический, на 2 части:

читательский каталог и служебную часть каталога. Таким образом, и волки были сыты и овцы целы. Книги отражены в каталогах? Отражены. А в какой части, это уже другой вопрос. Но все-же вопрос! Что можно давать в читательский каталог, а что в служебную часть? И кто будет решать этот вопрос?

Возникали и другие вопросы. Например, в пособиях тех лет недаром столько внимания уделяется обсуждению: на каком месте в каталоге ставить описания "произведений" не только "классиков марксизма-ленинизма", но и членов политбюро — в порядке алфавита или же на особо почетном месте; как описывать и расставлять постановления партийных органов и т.п.

Сейчас это звучит зачастую как анекдот, но тогда библиотеки воспринимали эти пособия как спасательный круг. И я до сих пор горжусь тем, что делала тогда все, что могла.

В научно-методическом отделе я проработала 15 лет — до ухода на пенсию (19 ноября 1966 года).

Основные работы, сделанные мною за это время:

1. *"Инструкция по библиотечной технике для областных, краевых и республиканских библиотек" и "Методические указания" к ней. Впоследствии обе части были объединены и вышли двумя изданиями под заглавием "Техника работы областной библиотеки". В работе над первым изданием инструкции принимала участие С. М. Смирнова; над последним - Е. М. Зайцева и Т. И. Силина.*

2. *В соавторстве с С. М. Смирновой в 1957 году книга "Каталоги районной и городской библиотеки" (переведена на грузинский), через 10 лет на ее основе (в соавторстве с Т. И. Силиной) была выпущена книга "Организация фондов и каталогов районной библиотеки" (переведена на узбекский в 1970 году). Эти же темы (учет и организация фондов, организация каталогов) были разработаны для практического пособия "Сельская библиотека", вышедшего двумя изданиями (в 1956 и 1958 гг.).*

3. *Совместно с С. Е. Шамуриной в 1961 году была выпущена книга "Система каталогов областной библиотеки".*

По заданию руководства отделом в 1960 году мною был составлен для словацкого издания "Kniznicny sbornik" обзор советской литературы по библиотечной технике и библиотечным каталогам (1957-1958 гг.). Этот же обзор был напечатан в сборнике "Библиотеки СССР", вып. 13, 1960 г.

Принимала участие в работе над инструкцией "Минимум библиотечной техники для массовых библиотек", начиная с 6-го издания; в работе над всеми изданиями таблиц классификации для массовых, детских и областных библиотек, начиная с 1955 года: а также над вариантом таблиц ББК для массовых библиотек (1970 г., ротапринт); в разработке раздела "Библиотековедение" в таблицах ББК для научных библиотек. Мною разработаны краткие таблицы классификации для сельских библиотек, вошедшие в 1-е издание пособия "Сельская библиотека" (1956 г.), а затем вышедшие отдельным изданием в 1959 году.

Очень неудачными оказались рабочие таблицы раздела "Библиотековедение" (Библиотечно-библиографическая классификация. Рабочие таблицы классификации для специализированной библиотеки Научно-исследовательского отдела библиотековедения и теории библиографии, М., 1973, 96 с. (ГБЛ - машинопись), составленные мною для читального зала КБ научно-методического отдела библиотековедения Ленинской библиотеки.

Дело в том, что в отделе ББК периодически решали то делить по политическому признаку только отделы, связанные с идеологической работой (библиотечное обслуживание читателей, методы библиотечного дела и т.п.), то абсолютно все отделы и подразделения. Первоначальный проект таблиц был построен по первому принципу, но потом уже, в процессе работы над таблицами, возобладала вторая точка зрения, и абсолютно все разделы, включая организацию фондов, каталогизацию, классификацию, делились сначала на библиотеки СССР, библиотеки социалистических стран, библиотеки капиталистических стран, а затем уже внутри каждого из этих трех делений повторялась вся тематика раздела. К

счастью, эти таблицы не были нигде опубликованы, так и остались в виде машинописи в 4-х экземплярах. Не знаю, сохранился ли хоть один из них. Работники читального зала ими не воспользовались. Фонд остался расставленным по УДК с очень грубой детализацией, а каталог расставлен по какому-то раннему варианту ББК.

Жаль! Таблицы могли бы оказаться полезными хотя бы по очень детально разработанной тематике.

С 1966 по 1984 год я продолжала работать в Библиотеке, оформляясь ежегодно на два месяца, и за эти 18 лет кое-что еще удалось сделать. После 84-го года я почувствовала, что уже не могу быть полноценным работником. Какое-то время я еще навещала в отдел, а после того как в 90-е годы прекратилось издание печатной аннотированной карточки, и сектор был ликвидирован, общение с библиотекой свелось к минимуму: абонемент, торжественные собрания на юбилеях и проч.

Однако, надеюсь, что интерес к книге и библиотеке сохранится у меня до конца моих дней.